

Волчкова А. О.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
аспирант кафедры международного права и международных отношений*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО» В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Устав Международного трибунала по бывшей Югославии не содержит общих положений о субъективной стороне преступлений, подпадающих под юрисдикцию трибунала. Однако анализируя некоторые положения Устава можно отметить, что во многих составах, прямо предусмотрены элементы субъективной стороны. В частности, в п. а, ст. 2 данного документа используется термин «умышленный» («wilful») для описания такого преступления, как умышленное убийство.

Во многих своих судебных решениях МТБЮ прибегнул к анализу элементов субъективной стороны данного преступления. Вопросы по установлению содержания термина «умышленное убийство», его связь с термином «убийство» были глубоко исследованы в деле Челебечи. Наиболее серьезным был вопрос, о том какой формы вины будет достаточно для возникновения правоотношений уголовной ответственности при совершении такого серьезного нарушения Женевских конвенций 1949г.

В деле Челебичи, Судебная камера установила, что «требуемое намерение, подразумеваемая под этим *mens rea*, необходимое, для установления такого преступления как умышленное убийство (*wilful killing*) и тяжкое убийство (*murder*), как оно признано в Женевских конвенциях 1949 года, требует со стороны обвиняемого демонстрации намерения убить, или причинить серьезные телесные повреждения, пренебрегая человеческой жизнью» (*Prosecutor v. Delalic et al., Case No.: IT-96-21-T, Judgement, 16 Nov. 1998, para. 439*).

Судебная камера пришла к такому заключению, прямо обратившись к Комментарию Международного комитета Красного Креста к Дополнительному протоколу I (Комментарий МККК) который определяет прилагательное «умышленное» («*wilful*») следующим образом: «Обвиняемый должен был действовать сознательно и с умыслом, т. е. осознавая само деяние и его последствия, и желая их наступления (преступный умысел или злое предумышление); это охватывает концепцию противоправного намерения или безрассудства, то есть, отношение лица которое, не будучи уверенным в определенном результате, признает возможность (*possibility*) того, что он будет иметь место; с другой стороны, здесь не охвачены простая небрежность или недостаточная прозорливость, т. е. когда лицо совершает акты, не осознавая само деяние или его последствия» (*Commentary to the Additional Protocols, para. 3474*).

Приведенное выше определение понятия «умышленно» («*wilfully*»), как его рассматривает МККК, содержит два важных аспекта. Первый за-

ключается в том, что термин «умышленно» требует доказательства наличия двух компонентов ментального элемента – «осознания» и «намерения». В свою очередь это еще раз подтверждает, что всякое преступление представляет собой направляемый сознанием и волей поступок человека. Проверка этих компонентов сложный процесс, обладающий многоуровневым характером – необходимо доказать, что обвиняемый действовал сознательно и с намерением относительно материальных элементов данного преступления. Использование в рамках определения МККК фразы «желая их наступления» подтверждает то, что со стороны обвиняемого должен быть установлен волевой элемент, а именно намерение со стороны обвиняемого лишить жизни, или нанести серьезное увечье с грубым пренебрежением к человеческой жизни.

Второй аспект связан с тем, что определение МККК расширяет термин «умышленное», тем самым позволяет охватить те дела, где обвиняемый вполне может предвидеть смерть или серьезное телесное повреждение как возможный результат, и соглашается с таким результатом. Включение формулировки «признавать возможность» влечет за собой доказательство наличия волевого элемента в дополнение к элементу «осознание», вне зависимости насколько слабым может быть первый элемент. Воля приобретает менее выраженный характер и здесь уже возникает вопрос о такой форме умысла, как косвенный.

Вынесенные Судебной камерой по делу Челебичи судебные решения об «умышленном убийстве» поддерживают это предложение: «Более того, что в различных правовых системах применяются различные формы классификации содержащегося в умышленном убийстве ментального элемента, очевидно, что требуется некоторая форма намерения. Если подходить к этому вопросу с точки зрения возможности предвидеть наступление смерти, в результате действий обвиняемого, или с точки зрения принятия на себя чрезмерного риска, который показывает наличие безрассудства, это намерение может быть установлено из обстоятельств» (Prosecutor v. Delalic et al., Case No.: IT-96-21-T, Judgement, 16 Nov. 1998, para. 437).

Это судебное решение по делу Челебичи имеет два важных аспекта. Во-первых, в нем подтверждается, что для привлечения лица к ответственности должна быть установлена некая форма намерения. Во-вторых, предвидение возможности наступления смерти, или осознание риска, что такой результат может наступить является достаточным для возникновения правоотношения индивидуальной уголовной ответственности.

В дальнейших своих решениях Трибунал прибегнул к уточнению. Так в деле Prosecutor v. Strugar Судебная камера установила, что «осознания обвиняемым того, что его действие или бездействие может стать возможной причиной смерти, недостаточно... необходимое ментальное состояние присутствует, когда обвиняемому известно, что наступление

смерти в результате его действия или бездействия вероятно...» (Prosecutor v. v. Strugar, Case No.: IT-01-42-T, Judgement, 31 Jan. 2005, para. 236).

Таким образом, в судебной практике Трибунал отражено мнение о том, что субъективная сторона умышленного убийства характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла, а ментальные элементы умышленного убийства считается доказанными, если лицо, обвиняемое в совершении данного преступления, осознает вероятность наступления смерти. Степень осведомленности обвиняемого в таком случае более высокая и придает «возможности предвидения» более конкретный характер.

Громошенко К. В.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
соискатель кафедры международного права и международных отношений*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НАЕМНИЧЕСТВУ

Традиционно проблема борьбы с наемничеством относится к сфере прежде всего международного гуманитарного права. Однако, рассмотрение вопросов статуса наемников является только частью международно-правовой проблематики наемничества. Проблема международно-правового запрета наемничества как явления, определение и закрепление его четких признаков в международно-правовых документах, выявление современных форм, проявлений и методов наемнической деятельности как предпосылки эффективного международно-правового воздействия на это противоправное явление – вопрос, выходящий за пределы международного гуманитарного права, и относящийся к сфере комплексного международного сотрудничества государств, затрагивающий различные аспекты международного права: права прав человека, права международной безопасности, права международной ответственности, международного уголовного права.

С другой стороны, наемничество, как фактор дестабилизации международного мира и безопасности, обуславливающий массовые нарушения прав человека, превратилось в глобальную проблему, исследование которой и выработка международно-правовых механизмов противодействия стало одной из важных задач Организации Объединенных Наций в последние десятилетия.

Об этом свидетельствуют значительное количество международных документов, принятых в ООН (за последние 20 лет Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет и Комиссия по правам человека приняли более 100 резолюций), прежде всего в рамках Совета (Комиссии) по правам человека и учреждение Специального докладчика по вопросу об использовании